

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ РЕЛИГІИ.

ОТВѢТЪ проф. И. Фойницкому.

ПРОФЕССОРЪ
Л. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собственный домъ.
1887.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ

ПРОТИВЪ РЕЛИГІИ

Отвѣтъ проф. И. Фойницкому.

Вопросъ о преступленіяхъ противъ религіи принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ въ особенной части уголовного права не только у насъ, но и въ западно-европейской юридической литературѣ. Въ послѣдней мы не встрѣчаемъ ни одной спеціальной обстоятельной монографіи, которая представляла бы попытку освѣщенія обширнаго, но крайне разбросаннаго и отрывочнаго историческаго матеріала въ связи съ догматической постановкой вопроса. Не мудрено поэтому, что первый опытъ въ этомъ направленіи, принадлежащій автору сихъ строкъ ¹⁾, не могъ не вызвать и такихъ замѣчаній критики, которыя обуславливаются просто положеніемъ научной обработки вопроса, т. е. представляются не болѣе какъ недоразумѣніями, происшедшими отъ недостаточнаго знакомства рецензента съ предметомъ. Весьма краснорѣчивый примѣръ подобныхъ замѣчаній представляетъ рецензія г. Фойницкаго, заключающая въ себѣ воспроизведеніе въ довольно деликатной формѣ тѣхъ возраженій, которыя были имъ сдѣланы мнѣ на докторскомъ диспутѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ ²⁾. Важнѣйшія изъ нихъ могутъ быть сведены къ слѣ-

¹⁾ Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада, историко-догматическое изслѣдованіе, Ярославль, 1886 г.

²⁾ См. Юридич. Библіографію, издав. юридич. факультетомъ С.-Петербургскаго Университета, 1886 г., № 8. За эту форму замѣчаній проф. Фойницкаго, прямо противоположную рѣзкимъ и грубоватымъ выходкамъ на диспутѣ оппонента Сергѣевского и декана Лисона, изъ коихъ для послѣдняго вопросъ о преступленіяхъ противъ религіи—совершенная *terra incognita*, считаю своимъ долгомъ выразить полную признательность автору рецензіи.

дующимъ двумъ „брупнымъ“, по мнѣнію г. рецензента, недостаткамъ моего труда:

а) Неопредѣленность понятія противорелигіозныхъ преступленій какъ въ исторической, такъ и догматической части труда, а отсюда и произвольность круга религіозныхъ преступленій въ исторіи и теперь. Начну съ исторической части. По словамъ г. Фойницкаго, излагаемая мною въ исторической части труда область преступленій противъ религіи въ разные періоды жизни западныхъ народовъ совершенно произвольна, такъ-какъ я не установилъ ни для одного изъ названныхъ періодовъ понятія религіозныхъ посягательствъ и не указалъ признаковъ, разграничивающихъ ихъ отъ прочихъ преступныхъ дѣяній. Признаться сказать, я не совсѣмъ ясно себѣ представляю, какого опредѣленія *понятія* религіозныхъ посягательствъ въ разные періоды исторіи требуетъ г. Фойницкій. Если онъ требуетъ такого опредѣленія, которое бы обнимало родовой *составъ* всѣхъ отдѣльныхъ видовъ данныхъ преступленій (*corpus delicti*), охватывающій всѣ существенные ихъ признаки, и точно обозначало бы предѣлы ихъ области, подобно опредѣленіямъ такихъ преступленій, какъ убійство, кража и т. п., то онъ требуетъ невозможнаго. Законы не только прошедшаго, но и настоящаго времени содержать въ себѣ лишь частныя опредѣленія отдѣльныхъ религіозныхъ преступленій, рѣшительно нигдѣ не сведенныя въ одно общее родовое. Подобное обстоятельство объясняется очень просто: объектомъ противорелигіозныхъ преступленій, подобно напр. государственнымъ, является не такой элементарный и непреходящій, такъ сказать, интересъ, какъ жизнь, имущество, а въ высшей степени сложный и весьма условный, измѣнчивый; многое изъ того, что прежде признавалось государствомъ за жизненное условіе своего существованія, теперь имъ не признается таковымъ и обратно. Въ этой условности и сложности преступленій, о которыхъ идетъ рѣчь, сложности, объемлющей самые разнообразные интересы, скрывается причина того, почему до

сихъ поръ кодексы не даютъ общихъ родовыхъ опредѣленій состава названныхъ преступленій. Кодексы въ этомъ случаѣ являются отраженіемъ состоянія самой доктрины, которая до сихъ поръ по тѣмъ же, какъ думается мнѣ, причинамъ не въ состояніи была выработать такое опредѣленіе; вмѣсто ея она старалась разыскать то руководящее соображеніе, въ силу котораго извѣстныя преступленія въ исторіи должны быть разсматриваемы какъ противорелигіозныя, и установить то начало, тотъ принципъ, который долженъ лежать теперь въ основаніи преступленій, о которыхъ идетъ рѣчь. Если г. Фойницкій имѣетъ въ виду именно такое опредѣленіе „понятія“ религіозныхъ посягательствъ въ разные періоды исторіи, то его приведенный упрекъ совершенно неоснователенъ. Въ самомъ же началѣ изложенія круга или области преступленій противъ религіи въ исторіи, когда предо мною возникъ вопросъ о томъ, какія преступленія слѣдуетъ относить къ этой области, я устанавливаю довольно опредѣленный, кажется, критерій противорелигіозныхъ преступленій. На стр. 31 и 47 я совершенно ясно выражаю ту мысль, что такимъ критеріемъ слѣдуетъ признавать преобладаніе, господство въ правонарушеніяхъ элемента божественнаго, сакральнаго надъ чловѣческимъ, т. е. что къ противорелигіознымъ посягательствамъ слѣдуетъ причислять тѣ уголовно-запрещенныя дѣянія, которыя возведены на степень таковыхъ по соображеніямъ главнымъ образомъ сакральнымъ, почему существеннѣйшимъ моментомъ ихъ состава долженъ быть религіозный моментъ. Правда, эта мысль выражена у меня не въ формѣ подробно развитаго дедуктивнаго обобщенія, а, такъ сказать, догматически, т. е. въ видѣ положенія, выведеннаго путемъ анализа изслѣдуемыхъ законовъ и къ нимъ приобщеннаго; но такая форма выраженія мысли, думается мнѣ, не мѣшаетъ ея ясности, которую г. Фойницкому не трудно было бы подмѣтить при болѣе основательномъ знакомствѣ съ моимъ трудомъ.

Послѣднее ему бы показало, во 1-хъ, что для права сѣдой

древности и варварскаго періода западно-европейскаго права возможно установленіе только *такого* критеріума противорелигіозныхъ посягательствъ и опредѣленіе ихъ круга только *такимъ* методомъ, т. е. аналитическимъ. Тогдашніе уголовные законы, какъ извѣстно, возникали обыкновенно казуистически, безъ участія обобщающей принципіальной работы науки; совершенно тщетно поэтому было бы стремленіе розыскать и установить для данныхъ періодовъ извѣстный принципъ, который лежалъ бы въ основаніи понятія религіозныхъ преступленій и опредѣлялъ бы ихъ объемъ. вмѣсто того, чтобы гоняться за призраками, цѣлесообразнѣе изслѣдовать составъ отдѣльныхъ преступленій и затѣмъ отнести къ противорелигіознымъ тѣ, *природа которыхъ опредѣлялась религіозными представленіями* (см. стр. 74), т. е. тѣ, существеннѣйшимъ моментомъ состава которыхъ является религіозный моментъ. Такимъ именно и только такимъ путемъ идутъ историки криминалисты съ корифеями—Rein'омъ и Wilda во главѣ при опредѣленіи понятія и объема или круга противорелигіозныхъ посягательствъ въ данные періоды; такимъ путемъ шелъ и я, который смѣетъ думать, что ни г. Фойницкій, ни г. Сергѣевскій и Янсонъ, расточавшіе на диспутъ по моему адресу тѣже упреки, какъ и г. Фойницкій, не въ состояніи указать болѣе вѣрнаго пути, а слѣд. и дать болѣе вѣрное опредѣленіе противорелигіозныхъ посягательствъ въ данную историческую эпоху. А что этотъ путь вѣренъ, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить произвольность, вопреки доводамъ г. Фойницкаго, предлагаемаго мною перечня противорелигіозныхъ посягательствъ въ разныя историческія эпохи. Изъ такъ называемыхъ смѣшанныхъ преступленій (*delicti mixti*) одни, напр. святотатство, я излагаю, а другія, напр. содомія и прочія половыя посягательства, не излагаю не безъ всякихъ мотивовъ, какъ утверждаетъ г. Фойницкій, а на томъ простомъ основаніи, что въ первыхъ преобладаетъ нарушеніе элемента сакральнаго, а во вторыхъ—нарушеніе элемента человѣческаго. Исключивши поло-

выя послѣдствія въ изложеніи еврейскаго права изъ круга противорелигіозныхъ преступленій согласно данному критерию послѣднихъ, я на томъ же основаніи исключилъ ихъ и при изложеніи западно-европейскаго права, но повторять это основаніе не счелъ, разумѣется, нужнымъ, такъ-какъ не предполагалъ, чтобы оно кому либо, а особенно г. рецензенту, не было ясно само собою. Замысловатый, на первый взглядъ, вопросъ г. Фойницкаго, почему въ изложеніе англійскаго права попали религіозные обманы, нигдѣ въ иныхъ мѣстахъ не упоминаемые, разрѣшается очень просто: потому, что только литературные источники англійскаго права предусматриваютъ религіозный обманъ, какъ самостоятельное преступленіе; литературные же источники французскаго и англійскаго права, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые мнѣ извѣстны, о религіозномъ обманѣ совершенно умалчиваютъ.

Что же касается другаго вопроса г. Фойницкаго, почему въ изученіе французскаго права періода феодализма и абсолютизма, кромѣ чистыхъ религіозныхъ преступленій, вошли святотатство и лжеприсяга, а ни слова не сказано о другихъ (?) дѣяніяхъ, постановленія о которыхъ якобы въ той же мѣрѣ проникнуты религіозною окраскою, то на него, очевидно, невозможно дать никакого отвѣта, такъ-какъ неизвѣстно, о какихъ это другихъ дѣяніяхъ говоритъ рецензентъ. Не о тѣхъ ли, которыя изложены мною въ названной послѣднимъ рубрикѣ, но которыя г. Фойницкій просмотрѣлъ точно также, какъ онъ просмотрѣлъ въ томъ же отдѣлѣ, а также въ рубрикѣ права англійскаго того же періода изложеніе въ ряду религіозныхъ преступленій „нарушенія богослуженія“ и затѣмъ раздражается упреками по моему адресу въ случайномъ пользованіи литературными пособіями и ненаучномъ къ нимъ отношеніи. Просмотръ г. Фойницкаго, вѣроятно, произошелъ такимъ образомъ: въ рубрикѣ германскаго права я, согласно тогдашней конструкціи этого права, отразившейся въ литературныхъ источникахъ, излагаю „нарушеніе богослуженія“

въ особомъ, такъ сказать, титулѣ или раздѣлѣ (стр. 122); въ рубрикахъ же французскаго (стр. 176) и англійскаго права (стр. 197) я, согласно тогдашней конструкціи понятія святотатства сихъ послѣднихъ правъ, понятія, обнимающаго, между прочимъ, всякую профанацію священныхъ мѣстъ (стр. 173, 196), излагаю „нарушеніе богослуженія“ не подѣ самостоятельнымъ титуломъ, а въ раздѣлѣ святотатства. Рецензентъ же, не найдя въ рубрикахъ французскаго и англійскаго права, изложенія „нарушенія богослуженія“ подѣ самостоятельнымъ раздѣломъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ моимъ трудомъ, вообразилъ, что я вовсе въ названныхъ рубрикахъ не трактую о нарушеніи богослуженія, и, обращаясь за справкой къ источникамъ въ надеждѣ документально подтвердить свое обвиненіе, очевидно, борется съ призраками, ибо цитируетъ тѣ же самыя страницы Жюсса, которыя процитированы у меня въ просмотрѣнномъ рецензентомъ мѣстѣ (стр. 176). Таково мое „случайное пользованіе литературными пособіями и ненаучное къ нимъ отношеніе“. Для вящаго убѣжденія въ моемъ ненаучномъ и безпровѣрочномъ отношеніи къ симъ послѣднимъ почтенный рецензентъ ссылается на неправильное сопричисленіе мною, подѣ вліяніемъ увлеченія Жюссомъ, къ видамъ святотатства по французскому праву такихъ преступленій, какъ обольщеніе исповѣдницъ и монахинь. Въ отвѣтъ на этотъ упрекъ, какъ и на предъидущій, приходится снова отослать г. Фойницкаго къ моему труду; изъ опредѣленія понятія святотатства по французскому праву (стр. 173), обнимавшаго „всякую профанацію священныхъ вещей, *мѣстъ* и *лицъ*“, ясно, что это понятіе распространялось и на преступленія обольщенія исповѣдницъ и монахинь, преступленія, которыя притомъ разсматривались какъ особо тяжкіе виды святотатства, преслѣдовавшіеся смертною казнью. Сопричисленіе, о которомъ идетъ рѣчь, сдѣлано мною, какъ это видно изъ цитатъ (стр. 174, 176), не подѣ вліяніемъ увлеченій Жюссомъ, а на основаніи тогдашней конструкціи французскаго права, совершенно опредѣлен-

но отразившейся въ важнѣйшихъ литературныхъ пособіяхъ послѣдняго. Если бы почтенный рецензентъ основательнѣе изучилъ таковыя, то необходимо, смѣю думать, отказался бы отъ своихъ упрековъ въ моемъ „ненаучномъ и безпровѣрочномъ къ нимъ отношеніи“, упрековъ, которые я теперь совершенно вправѣ возвратить по его адресу.

Блѣжайшее изученіе рецензентомъ моего труда въ связи съ литературными пособіями показало бы также ему, что помѣщеніе мною въ концѣ изложенія противорелигіозныхъ посягательствъ варварскаго періода нѣсколькихъ преступленій, появившихся подъ вліяніемъ христіанства, означаетъ вовсе не то, чтобы я „не зналъ“, какъ быть съ ними въ виду недостатка въ моей работѣ прочнаго критерія понятія религіозныхъ преступленій“, а совершенно противоположное. Подобное помѣщеніе подсказано мнѣ требованіями системы изложенія, въ силу которыхъ нельзя къ преступленіямъ до христіанскаго періода относить и тѣ, которыя созданы смѣной языческаго культа христіанскимъ, а необходимо ихъ ясно отдѣлать, отведя во избѣжаніе повторѣній имъ мѣсто въ концѣ перечня преступленій до христіанской эпохи, какъ такимъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя въ христіанскую эпоху варварскаго періода являются несомнѣнной добавкой къ названному перечню преступленій противъ религіи по своему составу, существеннѣйшимъ моментомъ котораго представляется религіозный моментъ; въ этомъ послѣднемъ убѣждаютъ одни уже названія преступленій, о которыхъ идетъ рѣчь, а именно—идолопоклонство, ересь и нарушеніе обрядовыхъ законовъ.

Перехожу къ догматической части. По словамъ г. Фойницкаго, въ этой послѣдней части я также не даю опредѣленія преступленій противъ религіи, ибо разрѣшить сей вопросъ на основаніи высказываемыхъ мною отрывочныхъ положеній нѣтъ возможности. Посмотримъ, на сколько вѣрно и это обвиненіе г. рецензента. Опредѣливъ въ началѣ своего изслѣдованія понятіе религіи новѣйшей цивилизаціи, какъ выраженія свободной совѣсти

лица, отвѣчающаго идеѣ индивидуальной свободы, — въ противоположность понятію религіи древней цивилизаціи, исключавшему эту идею, а съ нею и свободу совѣсти, а потому и отождествлявшему грѣхъ съ преступленіемъ (чего г. Фойницкій никакъ не въ состояніи понять), — въ догматической части, въ первыхъ же строкахъ, я возвожу свободу совѣсти на степень права и предлагаю его обоснованіе двухъ родовъ. Во первыхъ — фактическое, скрывающееся въ повсемѣстности существованія у всѣхъ безъ исключенія народовъ религіозныхъ вѣрованій, въ своемъ внѣшнемъ проявленіи неизбѣжно переходящихъ въ культъ, во вторыхъ — философское, заключающееся въ томъ, что религіозныя вѣрованія суть ничто иное какъ одна изъ формъ человеческой мысли вообще, изъ права на свободу которой само собою вытекаетъ и право на свободу совѣсти, которое также само собою предполагаетъ и право на разныя формы ея внѣшняго выраженія или, говоря иначе, — на свободу культа. Такимъ образомъ, опредѣленіе современнаго понятія религіи начала и конца моего изслѣдованія совпадаетъ; подъ религіею я разумѣю свободу совѣсти лица, т. е. свободу выраженія религіозной мысли и свободу культа. Возведя эту свободу на степень права религіозной свободы, слагающагося изъ трехъ кардинальных правъ, и перейдя затѣмъ къ вопросу о мѣрахъ охраны этого права, я на стр. 296 говорю, что „последнія могутъ простираются до уголовныхъ мѣръ воздѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ нарушенія — религіозные интересы, представляющіе существенно важныя условія бытія общества и его развитія“. Что же изъ этого слѣдуетъ? Вовсе не то, какъ заключаетъ г. рецензентъ, что преступленія противъ религіи, согласно моему ученію, совпадаютъ съ посягательствами противъ свободы совѣсти, а потому и являются преступленіями личными, какъ лично самое понятіе совѣсти, а какъ разъ наоборотъ, а именно — что посягательства противъ религіи суть преступленія противъ общества, какъ такия, которыя представляютъ нападеніе на существенно важ-

ныя условія его бытія и развитія. Изъ всѣхъ нарушеній права религіозной свободы только тѣ принадлежатъ къ преступленіямъ противъ религіи, которыя заключаютъ въ себѣ посягательство на религіозные интересы, представляющіе существенно важныя условія бытія общества и его развитія; всѣ же другія—должны быть отсюда исключены; мѣрами ихъ охраны могутъ быть иныя средства, напр. полицейскія, но никакъ не уголовныя. Кажется, ясно, какъ Божій день, что моя классификація противорелигіозныхъ посягательствъ не имѣетъ ничего общаго съ категоріей преступленій противъ свободы личности, а между тѣмъ г. Фойницкій, не изучивъ внимательно мою работу, навязываетъ мнѣ эту послѣднюю классификацію, не смотря на то, что въ послѣдующемъ изложеніи я категорически отношу преступленія, о которыхъ идетъ рѣчь, къ противообщественнымъ (см. стр. 298, 301, 303). Правда, по словамъ г. рецензента, классификація противорелигіозныхъ преступленій, какъ противообщественныхъ, мнѣ не безъизвѣстна, но это знаніе осталось совершенно безплоднымъ. Почему же? Повидимому, потому, что при опредѣленіи объекта преступленія я будто бы указываю то на моментъ частный, то на моментъ государственный, то, наконецъ, неизвѣстно на какой—общественный или государственный (Юр. Библ. стр. 326). Смѣю увѣрить г. рецензента, что вся эта видимая сбивчивость понятій есть результатъ не неопредѣленности моей мысли, а лишь излишней придирчивости его къ словамъ.

Развивая свою мысль о томъ, что область преступленій простирается за предѣлы нарушенія чьихъ либо правъ—частныхъ или непосредственно государственныхъ, я говорю слѣд.: „запрещая публичныя дѣйствія или распространеніе непотребныхъ сочиненій, рисунковъ или изображеній, государство, очевидно, исходитъ не изъ соображеній неприкосновенности чьихъ либо правъ, а изъ соображенія значенія морали, какъ одной изъ основъ общественнаго строя. Такимъ образомъ, объектомъ преступленія можетъ быть не только неприкосновенность правъ, при-

надлежащихъ или частнымъ лицамъ или непосредственно государству, но и общія основанія соціального порядка, потрясаемыя грубыми нарушеніями нравственности или религіозности“ (стр. 303). Изъ этихъ словъ въ связи со всѣмъ тѣмъ, что я говорю на стр. 296—303, совершенно ясно, что подъ противорелигіозными преступленіями я разумѣю грубыя нарушенія такихъ религіозныхъ интересовъ, которые представляются однимъ изъ жизненныхъ условій существованія общества и его развитія; отсюда объектомъ данныхъ преступленій являются жизненные религіозныя основанія соціального порядка, *какъ входящія въ содержаніе чьихъ либо правъ, такъ и не входящія*. Предлагается, слѣдовательно, одинъ, а не нѣсколько разныхъ отвѣтовъ на вопросъ о предметѣ религіозныхъ посягательствъ, какъ утверждаетъ г. Фойницкій, и самое обвиненіе послѣдняго въ этомъ „капитальномъ недостаткѣ“ моего труда есть плодъ простаго недоразумѣнія. Г. рецензентъ не сообразилъ, что при опредѣленіи объекта религіозныхъ преступленій частный моментъ—права отдѣльныхъ лицъ или церковныхъ общинъ на религіозную свободу—указывается мною не какъ *исключительный* элементъ даннаго объекта, а *какъ составной*, притомъ же вовсе не необходимый: „посягательства противъ религіи, говорю я, заключаютъ въ себѣ нападеніе не только на право религіозныхъ обществъ, оскорбляемыхъ въ ихъ религіозныхъ чувствахъ, но и на общія основанія государственнаго порядка“ (стр. 298). О несущественности же для объекта религіозныхъ преступленій наличности нарушенія *частныхъ* правъ говоритъ не только приведенное мѣсто, но и весь ходъ изложенія на стр. 298—303, спеціально направленный на доказательство несущественности для даннаго объекта нарушенія чьихъ либо правъ, не только частныхъ, но и непосредственно-государственныхъ. Г. Фойницкій, не понявъ задачи названнаго хода изложенія, навязываетъ мнѣ ту путаницу въ опредѣленіи объекта противорелигіозныхъ посягательствъ, которая существуетъ только въ его воображеніи.

Что касается частного момента, то послѣднее мое замѣчаніе едва ли можетъ подлежать спору; но оно, думается мнѣ, достаточно справедливо и что касается момента государственнаго. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взаимнѣ выраженія „соціального порядка“ я вслѣдъ за Вальбергомъ и другими криминалистами употребляю выраженіе „государственнаго порядка“, но этотъ замѣнъ вовсе не означаетъ смѣшенія понятій, какъ силится доказать г. Фойницкій, а только неточность выраженія, находящую достаточное извиненіе въ полной неясности, какъ это признаетъ и г. рецензентъ, предѣловъ понятія противообщественныхъ посягательствъ, какъ самостоятельнаго члена въ системѣ преступленій. Эта неясность устранилась, думается мнѣ, только тогда, когда понятіе „общества“ будетъ отграничено отъ понятія „государства“, но до этого, какъ не безъизвѣстно и г. Фойницкому, не только слишкомъ далеко, но еще неизвѣстно, возможно ли оно, а потому совершенно понятно, во 1-хъ, что эти слова въ моемъ трудѣ, какъ и вообще въ научныхъ трактатахъ, употребляются одно взаимнѣ другаго, причемъ никто никого за этотъ замѣнъ не упрекаетъ, а во 2-хъ, что я къ разрѣшенію названной неясности „ничего, по выраженію г. Фойницкаго, не прибавилъ“. Послѣднее тѣмъ болѣе понятно, что установленіе границъ понятія противообщественныхъ преступленій не входило въ мою задачу; для выполненія послѣдней достаточно было опредѣлить, къ какой категоріи въ системѣ преступленій должны быть отнесены противорелигіозныя посягательства, что, очевидно, возможно было сдѣлать безъ установленія названныхъ границъ и что я и сдѣлалъ. Ислѣдованіе же этихъ границъ, если бы нашелся кто либо готовый заняться этимъ вопросомъ, должно войти въ задачу спеціального труда, выходящаго за предѣлы изученія нарушеній однихъ религіозныхъ интересовъ; выполненіе этой задачи, если и возможно, то не иначе какъ при изслѣдованіи и другихъ интересовъ, которые могутъ быть разсматриваемы какъ прежде всего общественные, притомъ-же существенно важные,

жизненные, какъ напр. публично-моральные и другіе. Все это, вмѣстѣ взятое, г. Фойницкій, очевидно, опустил изъ виду, а потому и раздражается совершенно безплодными упреками, изъ коихъ особенно любопытенъ тотъ, который относится къ изложенію богохуленія. Для доказательства своего обвиненія въ разнообразіи отвѣтовъ, будто бы даваемыхъ мною на вопросъ о предметѣ религіозныхъ посягательствъ, почтенный рецензентъ ссылагся, между прочимъ, на опредѣленіе объекта богохуленія, замѣчая, что я на основаніи произвольнаго толкованія германскаго законодательства объектомъ богохуленія признаю совершенно отвлеченную, отрѣшенную отъ всякой религіи идею божества. Совершенно напрасный аргументъ! Изъ того, что я говорю на стр. 305—309, совершенно ясно, что объектомъ богохуленія я признаю, вопреки антропоморфическимъ представленіямъ о возможности оскорбленія божества, неприкосновенность его имени *не какъ такового, а какъ религіознаго основанія общественнаго строя*; слѣд. даю опредѣленіе объекта богохуленія, совершенно совпадающее съ общимъ опредѣленіемъ предмета религіозныхъ преступленій. Такого же достоинства и упреки г. Фойницкаго въ произвольности толкованія германскаго законодательства и въ невѣрномъ изложеніи его комментаторовъ; эти упреки совершенно голословны, ибо г. рецензентъ не потрудился привести въ доказательство ихъ основательности ни одного мотива. Вообще, почтенный ученый весьма любитъ расточать такіе голословные упреки и, нанизывая ихъ иногда, какъ напр. въ этомъ случаѣ, по нѣсколько въ одной строкѣ, дѣлаетъ ихъ весьма похожими на частые холостые выстрѣлы въ пространство.

б) Ложный объективизмъ разсужденія. По словамъ г. Фойницкаго, я, подѣ влияніемъ стремленія удовлетворить формальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ докторскимъ работамъ, и нападокъ на магистерскомъ диспутѣ противъ увлеченій, проявленія личныхъ симпатій и антипатій, старался избѣжать въ новой работѣ малѣйшаго проявленія своей индивидуальности—до

того, что не рѣшился предложить отъ себя признаковъ понятія религиозныхъ преступленій, предпочитая оставлять рѣчь фактамъ, а потому и *заболѣлъ* ложнымъ объективизмомъ. Смѣю увѣрить г. Фойницкаго, что все это его обвиненіе въ моемъ заболѣваніи ложнымъ объективизмомъ подсказано ему не содержаніемъ моей работы, а его богатымъ воображеніемъ, не останавливающимся ни предъ какими призраками. Никакихъ нападковъ на магистерскомъ диспутѣ противъ увлеченій, проявленія личныхъ симпатій и антипатій не было; замѣчанія, разумѣется, были, но совершенно иного рода. Такимъ образомъ, предполагаемаго г. Фойницкимъ фактическаго побужденія для моего заболѣванія ложнымъ объективизмомъ не было, но не было также и апріористическаго, такъ сказать, побужденія, ибо никакихъ шаблонныхъ требованій отъ докторскихъ диссертаций, которыя бы предписывали „совершенное отрѣшеніе отъ своей индивидуальности“ не существуетъ въ дѣйствительности, что, я думаю, подтвердить всякій ученый. Остается третій и послѣдній аргументъ моей научной болѣзни, къ счастью временной, согласно пророчеству г. Фойницкаго, это чуть ли не трусливый отказъ отъ опредѣленія признаковъ понятія религиозныхъ преступленій, но насколько этотъ отказъ существовалъ на самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли. Таковы основанія приведеннаго упрека г. рецензента; дабы сообщить имъ хоть какое либо значеніе, я готовъ пойти на уступки и признаться, что дѣйствительно мой трудъ не поражаетъ оригинальностью выводовъ и построеній, но это объясняется не состояніемъ изобрѣтенной г. Фойницкимъ научной болѣзни, а, во 1-хъ, убѣжденіемъ, что достоинство научнаго труда заключается не въ оригинальности—самой по себѣ—выводовъ и построеній, а въ ихъ согласіи съ научнымъ матеріаломъ, въ ихъ основательности, солидности, неизбѣжно предполагающихъ тщательную осторожность и обдуманность въ изученіи послѣдняго, а также возможно большую широту обобщеній, и, во 2-хъ, поучительными примѣрами нѣкоторыхъ научныхъ трудовъ, въ томъ числѣ са-

маго Фойницкаго, изъ коихъ именно тѣ, въ которыхъ слишкомъ сильна тенденція къ оригинальности, какъ напр. „Ссылка на западъ“ ¹⁾, „Послѣдствія имущественныя“ (Проектъ уголов. уложенія) ²⁾, значительно слабѣе по своему научному достоинству, чѣмъ труды безъ этой тенденціи (Мошенничество по русск. праву, Курсъ уголов. судопроизводства). Кромѣ этихъ важныхъ упрековъ, сколько нибудь мотивированныхъ, рецензія г. Фойницкаго изобилуетъ также замѣчаніями, расточаемыми имъ безъ всякихъ мотивовъ съ самоувѣреннымъ однако тономъ авторитетной непогрѣшимости, замѣчаніями въ родѣ „неточное названіе“, „неточный переводъ“ и т. п.; но на эти замѣчанія, какъ чисто голословныя, отвѣчать, разумѣется, не приходится.

Проф. Л. Бьелоричъ-Котляревскій.

¹⁾ См. рецензію на это сочиненіе Таганцева (Ж. Г. и У. пр., 81 г.) и Леонтовскаго (Ю. В. 81 г., т. VII).

²⁾ См. статью Тальберга, Юр. В., 86, 87 г.г.